

тупеньки к роднику из корней, и надо цепляться за них подошвой, чтобы не скользить. Снег еще кое-где блестит на солнце, а на кочках из желтой некошенной травы пузырится, как дрожжевое тесто. Ольха принарядилась в золотистые сережки. Сережки — это мужские соцветия. Черными скромными шишечками украшают ветку женские соцветия. Игривый ветерок с реки налетит, веткой махнет, и облачко желто-золотистой пыльцы с ольхи осыпается на корочку из хвои. Над ольхой старая могучая сосна.

Из частокола осинок и березок на холмик взбирается зверек.

— Лисичка? — затаил дыхание Егорка.

Показался треугольник воды, словно на картине Нестерова. Холм над водой. Светлое пятно на воде от солнца, застрявшего в ветках деревьев. И благодать для отшельников. В половодье — долина ручьев. На болотистых берегах вода поднялась, подтопила кустарники, норы, хатки бобров. Бобры охотно селятся здесь.

Егорка бежал к воде напрямую во всю мощь через лопухи и ольшаник. Зеркало воды уже мелькнуло сквозь заросли. В середине запруженного затона у реки появились круги и темные пятна голов.

— Водяные! — отскочил Егорка от воды.

Дядя Сережа рассмеялся и спустил лодку.

— Башка у них собачья, лапы гусачьи, а мозги человечьи. Смотри, хоть они и амфибии, а воды большой испугались. 15 минут могут не дышать, а потом подавай им небо голубое и воздух.

Черные тени делали круги. Затем стали выбираться на плотину, переваливаясь, как мешки. Комья грязи они то катили, то жадно прижимали передними лапами, а шли на трех ногах. Третьей ногой служил хвост. Потом комья грязи становились все больше и больше, как снежная баба, и вот они покатали снежную бабу по плотине. Егорка рассмеялся. Дядя Сергей прижал его голову, подавив смех.

— В самое холодное время бобры женятся и бобрят заводят. Так что в феврале им было жарко. Вон, видишь, бурые пятна возле вылазов. Это бобровая струя. А вон и дорожка в тальник, свежими ветками закусывали.

Весной начались засидки (учет бобров в весеннее половодье). На островах сидят семьями звери. Выходят — и на берег, на островок. По бобровой реке — их как зайцев собирай. Был бы дед Мазай, а бобрята найдутся. Ватага сросшихся ольх, а на ней — бобрята от воды хоронятся.

Собрали подтонувших при половодье бобрят. Ирина Тихоновна много про бобров знает. Приносили всех зверей ей на выхаживание, она доцент, научный работник, но зверят любила, как ребят лесных. Ирина Тихоновна выросла рядом с бобрами, с оленями, с рекой.

Егорка повесил бобрят-малышей на ее кофту. Одного на нее — раз! Второго — раз. Раз! Раз! Поползли бобрята по домашней вязаной кофте, она и поймать их не может...

— Ну, ты мне удружил! У них же мускус, стойкий, как французские духи. Как я теперь без кофты?

Егорка их собирал, как котят.

— О-о! Как же мне смешно, когда они залезли на меня! А потом мне пришлось стирать всю свою одежду. Но зато это было смешно!

— А весной бобрята такие смешные: туловище, как у котеночка, а хвост, как у бобров.

Прямо картина. Женщина сидит под дубом, а они вокруг нее, смотрит она на них и рассказывает с большим удовольствием о своих питомцах, о работе.

Изначально к этим условиям рожденные в неволе бобры были привычны. Выгул для них сделали, их специально туда сажали. Брала на руки. А бобрята залезали на плечи. Подошла, наклонилась. Они залезали на руки. Взяла бобренка на руки, а он как котенок. По запаху, по шагам, по движению узнавали ее бобрята.

— Бобры нервные животные, обижать их нельзя.

— Меня вот укусил. А малюсенький. А у зверовода даже рука бодела. А мы знаем, одна рука в ладоши не хлопает.

Поведенческие особенности бобров удивляли Ирину Тихоновну с юности. Геометрические фигурки распознавали. Реакция отличная, умственные способности хорошие.

— Самка, как более активная и даже агрессивная, выбирает себе напарника на ферме. К самке подсаживают самца. А семья одна и на всю жизнь.

— Для них нужна свобода?

— Да, должна быть свободная территория у реки. Там, где проходит бобер, можно слышать звуки шипения, как змеи. Но когда общаются в семье — короткие, нежные звуки. А шумную музыку не любят. Уйдут от реки, где шум. А мы теперь строим домик за стеклом для семьи бобра.

— Потихе, самочка окотилась. На эту сторону не подходите.

Самка в домике.

«И-ей!» — крик у бобрихи, как у рожаящей женщины, с болью. А на улице поддерживал ее бобер: «А-а-а!» Первый раз услышала — у самой слезы навернулись.

— А браки у них как совершаются?

— Моногамные они, преданные друг другу, как журавли. Вот видите — две клетки и перегородка. Ухаживают, поглаживают. Он ее кормит, а она его. Начинаем перегородку опускать, а они кусаются.

— Не хотят разлучаться?

— Тогда деревянная широкая лопата есть у нас. В разные стороны разгоняем их. Пару подобрать бывает трудно, а иногда сразу приносятся. «Я тебя на дух не переносу!» Это про бобров. По запаху определяются они. Природу не обойти. И мы считаемся с их выбором. Подбирали так, чтобы были черные. У бобров не как у нас, а наоборот: бурый, темно-бурый подавляет черный.

— В природе что они поедают?

— Зерно, свекла, капуста, яблоки: сто двадцать видов трав. Ольха, береза, осина. Летом до сантиметра зубы вырастают. И самоподточка зубов идет, верхние о нижние, и о точильные дубы. Прекрасный у них слух. Бегут, ныряют. Лапки передние подвертывают. Очень сильные. Лапки короткие. Ударом хвоста могут перевернуть железную лодку. Мелких собак бобр утопит сразу. Большие уплывали. А Леонид Сергеевич Лавров, ученый-бобровед, их ловушками отлавливал для изучения. До двадцати пяти лет живет бобриха. А три месяца вынашивает, как кошки и собаки.

— А их ели?

— У русских не принято их есть. Мы не привыкли...

Ирина Тихоновна знала каждого бобра в заповеднике, думал Егорка.

— Удивительное животное — бобр. Я и зверовод, я и зверокухарка. Мне пришлось всеми быть. Я готовила им. Корма сама собирала. Все это делала для этого очень древнего животного.

Кошка мурлыкала у нее на коленях, потеснив бобрят.

— Рима! Сиди! Куда ты лезешь еще выше, как бобренок? — снимает кошку с плеча.

— Задние лапы, как ласты. В полтора раза больше передних. И перепонки — как у утки. А передние — как наши руки, — показывал на себе Егорка.

— Бобер имеет свою территорию и свою семью. В природе защищают свою территорию — бобровую Венецию. — Ирина Тихоновна улыбается.

— Пищу едят в ладошках, как маленькие дети. Обирают лапочками... и в рот. Я видел, — радостно делится своим открытием Егорка. — Иногда одной рукой-лапкой кушают.

— Три бобренка жили у меня дома, были ручные, мне малюсеньких их принесли. Бобрята моих снимали в фильме «Лесная быль», после войны в 49-м году. Режиссер Згуриди был, Александр Михайлович, кажется. Забрали их в Московский зоопарк.

А КУДА ПОЛЗЕТ УЛИТКА?

В саду после дождя одуванчики, как солнечные зайчики, веселятся. Преображается все: даже дорожка из песка и гравия светится, а мать-и-мачеха отцвела и превратилась в ромашку: мокрые семена-парашюты сложились в белые лепестки.

Хочется разуться и босиком. Но еще начало мая, и целый месяц до лета.

Что это? Живой камешек ползет?

— Улитка! Живая, настоящая. Куда ползем? Зачем на дорожку вы-ползла? Раздавит кто-нибудь, — говорит Оля строго: она ходит в подготовительный класс и считает себя взрослой, потому что без мамы гостит у бабушки.

Улитка по руке ползет, большая, с палец. Оля запеленала ее в фантик.

— Ты ведь хочешь на речку? Домой. Но тебе не доползти. Там дорога.

Улитка пошевелила рожками в знак согласия.

Оля побежала к реке.

Вот там, где цветы голубые, тропинка повела вниз. А навстречу ползет еще такая же, точь-в-точь, песочного цвета, улитка.

— И ты хочешь к реке? А ползешь не в ту сторону! — Оля и эту в фантик.

Скорее опустить в воду, а то погибнут. Речка Лопасня еще не совсем вошла в свои берега. Лопасня течет в Оку, а Ока куда? Забыла. А бабушка все знает. Быстрее опустить улиток в воду. И к бабушке.

А река бежит медленно, не торопится, чтобы не расплескать себя, потому что большая и широкая, и в ней воды много, до краев берегов. Вот. Почти рядом вода. Улитка потянулась к большому пальцу. Пальцу стало холодно и смешно.

— Надо еще чуть-чуть спуститься, и вы будете дома. И вам не надо ползти три дня и три ночи. Вот. Сейчас. Я за кустик ухватюсь.

Оля боком, чтобы не скользить, спустилась к воде. Зелень выглядывала из глади, словно из зеркала, и свисала над рекой, птицы пели, и звенело все вокруг радостью.

— Сейчас, сейчас. Потерпите, — спешила Оля. — Терпение и труд все перетрут.

Она присела ближе к воде и кинула их в тихую заводь травяную.

Первая улитка сразу подняла рожки и завертелась от радости. Вторая замерла, словно ей было холодно. И река понесла ее по течению. Первая зацепилась за травяную былинку и стала карабкаться на берег.

— Испугалась? — засмеялась Оля. — Ладно, живите тут. А я к бабушке, он скучает.

И резко повернулась...

— А! — ноги ее скользили, и она как улитка сползла в воду. — Бабушка!

Холод. Она уже по пояс в воде. А дно вязкое, как тесто.

— Баба!

На берегу наполовину в воде была старая ольха. Оля хваталась за скользкие ветки.

— Дед! Дед! — разозлилась на баба Оля и схватилась за корявые старые ветки, словно за руки, торчащие над водой. Подтянулась и вылезла.

И стала карабкаться вверх, выше, еще выше. Подальше от реки. И бегом! Вот дикая яблоня цветет, белая-белая. Отломил ветку для деда и анютины глазки голубые сорвала, и желтый лютик — для деда букет.

Бегом по гравию и песку. Завтра День Победы — успеть дедушке подарок сделать. Вот и дом. Сбросила кроссовки и брюки на веранде, наде-ла халат. И в комнату к деду.

— Это тебе, дедушка! С победой!

— Яблонька. Хороша! — Дедушка в тельняшке приподнялся, опер-ся на локоть, посмотрел и понял, что Оля была у реки.

— Анютины глазки. Тоже тебе, дедушка! — радовалась Дню Победы Оля.

— Эти глазки совсем не анютины, но все равно прекрасные, — попра-вил он очки.

— Это незабудки! — хлопнула Оля себя по лбу. — Я забыла, де-душка.

— Похожи на многолетние незабудки, они называются пупочник ве-сенний. Как хочется понюхать живой этот цветочек. Спасибо, Оля.

— Я хотела тебе веночек сплести, но ты долго один и заскучаешь.

— Веночек из незабудок наденешь на жениха, и он твой навеки.

— А это лютик, для тебя, дедушка.

— Это гусиный хлеб. А знаешь, почему пять лепестков?

— А куда ползет улитка? — села на диван внучка и серьезно посмот-рела в глаза деда через его очки.

— В саду жила-была умная улитка. Бабушка звала ее Виноградка, — начал дед не спеша. — Вот начался сильный дождь. Кап-кап! Словно крот по твердой земле. Кап-кап. Тук-тук. И Виноградке страшно: крот к ней пробирается. А она крота боится.

— Как Дюймовочка?

— И нужно ей от крота убежать. А выползть: треть метра под зем-лей.

— И убежала от скучного крота?

— Вылезать надо, а панцирь у нее зимний, толстый, как известко-вая пробка. Чем холоднее зима, тем толще. Вот у кого синоптикам учиться бы.

— Я синоптиком буду, дедушка! И буду у умных улиток учиться.

— У-у-у! Ты какая! Ты пошла к реке, а мне не сказала, — грустно про-молвил дедушка, выщипывая волосок из бороды. — Лопасня впадает в Оку, Ока в Волгу. А исток Лопасни не очень далеко, возле села Богоявле-ние. А фашистов у нас никогда не было! Мы дальше города Чехова их не пустили! Вот такая у нас река! — и стукнул кулаком по дивану.

— Дедушка, я бы не пошла. Это улитки. Жалко стало. Они чуть не умерли без воды.

— Сначала надо посмотреть в справочник: семь раз измерь, а один раз отрежь. Есть водные улитки, а эти — сухопутные. Выползли — вода закупорила ход в земле. Да и какой я дед, я уж прадед. Проспал правнучку! — Он снял очки, протирая простыней. — Если дождей нет — они зарываются на палец в землю и спят. Как я, сплю и сплю, словно улитка.

— На твой палец? — коснулась его шершавой руки.

— На твой мизинчик, на дюйм. Закупоривают раковину и спят, если есть нечего.

— Улитку надо купать? — тронула его за бороду.

— Она купается в росе сама. Ест она все: и подорожник, и землянику, и малину, и одуванчик, и щавель, и все молодые побеги в огороде сожрет. А маленькие съедят оболочку своих яиц, пока вырастут. Но лакомство — побеги винограда.

— Виноградка какая! — рассмеялась, прикрывая рот ладошкой.

— Виноград ест, — чмокнул губами дед. — Улитка может дожить до 30 лет, а этой семь.

— Как мне! — пригладила взлохмаченные кудряшки.

— А из воды вылезают, так они же сухопутные, — гордо расправил свою тельняшку на груди. — Сухопутные войска против морской пехоты...

— А мои улитки не утонут? — нетерпеливо перебила Оля.

— Выберутся. Даже по стеклу ползут на свободу из аквариума. Убежала от меня внучка на речку, — вырвал волосок из бороды. — Что маме скажем, скалолазка моя?

— Дедушка, я больше не буду спасать улиток, пусть ползут, куда хотят.

